

СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 г. КАК ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ОБРАЗЕЦ ЕДИНОЙ ХРИСТИАНСКО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

© 2011 г. Борис Арташесович Осипян¹

Краткая аннотация: в статье обращается внимание на необходимость разработки обновлённой единой политико-правовой идеологии в современной России. Статут 1529 г. представлял собой сводный кодекс русского государственного, гражданского, уголовного, административного, семейного, наследственного и процессуального права, прообраз парламентарно-конституционной монархии. Автор считает, что Статут 1529 г. является вдохновляющим конституционным образцом общероссийской правовой идеологии, на основе и традициях которой должна быть разработана и реализована вся система современного российско-го законодательства, правоохранения и правосудия.

После появления Ливонского и Тевтонского немецких орденов² литовцы, в начале XIII в. чувствуя исходящую от них опасность, вынуждены были объединиться вокруг своего военного вождя – первого великого литовского князя Миндовга. Великий литовский князь не только успешно объединил вокруг себя большинство литовских племён, но прибрал к своим владениям так называемую Чёрную Русь вместе с расположенными на левом берегу притока Немана городами Волковыск, Новгородок, Олоним. В 1263 г. князь Миндовг стал жертвой заговора своих завистливых подручных людей. Начавшиеся в результате этого княжеские междоусобицы и народные смуты были умиротворены только в начале XIV в. великим князем Гедимином, которому удалось восстановить единство литовских и западно-русских земель: Витебского, Друцкого, Минского, Полоцкого княжеств, Турово-Пинского Полесья в бассейне р. Припять, Берестейской и других земель. Столицей княжества Литовского и Русского стал город Вильна (Вильнюс). В латинских грамотах князь Гедимин называл себя *Rex Litviorum Ruthenorumque*. Сам князь Гедимин и его сыновья были женаты на русских княжнах, хотя государственно-делопроизводительным языком Великого княжества Литовского стал белорусский язык.

Следует отметить, что в XIII–XIV вв. Литва, в которой тогда значительную часть представляло русское население, избежала печальной участи занятия её территорий монголо-татарскими полчищами. Поэтому она, естественно, осталась эт-

нически и духовно-идеологически намного более незапятнанной и чистой от языческих суеверий и политической зависимости. И так, с 1316 по 1341 г. великий князь Гедимин основал Великое княжество Литовское и Русское. С 1341 по 1377 г. при князе литовском Ольгерде – сыне Гедимины происходило усиление и территориальное расширение Великого княжества Литовского. В 1362 г. князь Ольгерд подчинил своей власти русские города Киев и Волынь и посадил там в качестве наместников своих сыновей Владимира и Любарта. В 1363 г. князь Ольгерд в тяжёлом бою поразил татарские полчища и овладел городом Подолье, а затем расширил границы своего государства вплоть до берегов Чёрного моря. Он овладел также Чернигово-Северской землёй и частью Смоленской земли. В результате этих завоеваний Великое княжество Литовское в XVI в. превратилось в огромное государство, которое простиралось от Балтийского до Чёрного морей.

В 1386 г. Литва и Польша заключили династический союз, после чего земли Литвы и литовской Руси постепенно были объединены. Произошла существенная централизация государственно-го управления и обновление старых литовских государственно-правовых учреждений. Тем не менее полного объединения Литвы и Польши не могло произойти в силу национального различия проживающих на этих территориях народностей. Пустив свои корни в Руси, польские, литовские, финские и другие северные колонисты сначала соорудили остроги, затем дороги и небольшие поселения, которые состояли из немногих дворов. Начался процесс постепенного слияния славянского населения с поляками, литовцами и финнами посредством заключения смешанных браков. По мнению американского исследователя Р. Пайпса, смешение восточных славян с этими

¹ Старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: artos5@mail.ru).

² Напомним, что уже в 1200 г. епископ Ливонский Альберт на прибалтийских землях основал г. Ригу.

народностями произвело новый расовый тип великороссов, у которых из-за примеси финно-угорской крови появились некоторые восточные черты, отсутствующие у других славян³.

Поскольку высшее руководство Литвы и Польши исповедовало в основном католическую веру, этим государствам не удалось духовно и политически поглотить преимущественно православное русское население и тем самым устранить необходимость создания отдельного русского централизованного государства. Несколько забегаая вперёд, отметим, что в начале XVI в. сама Польша была на пороге принятия протестантской веры. Её отпадение от католического Рима было в конечном счёте предотвращено огромными усилиями Римско-католической церкви, в особенности ее иезуитской ветви. Преодолев эту опасность, римская церковь попыталась не только заметить в польско-литовской монархии последние следы протестантской веры, но и заставить живущее там православное население признать свою политическую власть. Эти попытки в какой-то мере увенчались успехом в 1596 г., когда часть высших православных иерархов в литовских землях образовала свою униатскую церковь, православную по обряду, но организационно подвластную Папе Римскому.

Однако большинство православного русского населения отказалось от навязываемой ему католической веры и осталось верным религии своих отцов. Образовавшаяся религиозная брешь породила неустранимую взаимную вражду между поляками-католиками и православными русскими. Несмотря на свою высокую политическую организацию, материальное и культурное богатство, литовско-польскому государству так и не удалось стать политическим центром, соответствующим интересам русского народа. В силу конфессиональных и иных политических разногласий не удалось добиться объединения восточных славян в одно государство и Новгороду.

В Великом княжестве Литовском как самостоятельном государстве под названием Речь Посполитая⁴ классическим источником русского права и образцом воплощения русской правовой мысли и жизни стал Статут Великого княжества Литовского 1529 г.⁵ Статут 1529 г. представлял собой сводный кодекс русского государственного, граж-

данского, уголовного, административного, семейного, наследственного и процессуального права, прототип Основного Закона – Конституции западных земель российских. По мнению историка К.И. Яблонскиса, со времён принятия христианства на Руси “русское право становилось правом общелитовским, правом, действовавшим на территории всего Великого княжества”⁶. Следует напомнить, что Великое княжество Литовское было образовано в XIII в. и включало в себя литовские, украинские, белорусские и часть западных славянских земель и городов, таких как Киев, Ровно, Полоцк, Витебск, Брянск, Пинск, Смоленск и др.

До издания Статута 1529 г. в Великом княжестве Литовском государственное управление и правосудие осуществлялись на основании норм местного обычного права. В 1387 г. после заключённой унии с Польшей литовскому боярству были предоставлены “христианские права”, основанные на праве “христианских государств”⁷. Именно на этой духовной и право-идеологической основе были разработаны и приняты все последующие государственно-правовые акты, которые восполнили содержание и структуру Статута Великого княжества Литовского 1529 г. Ещё в 1522 г. на Гродненском сейме польская шляхта выдвинула перед Великим князем Литовским требование о разработке единого писаного кодекса для единого государства. Проект концепции и содержание предполагаемого сводного государственного закона были разработаны княжеской канцелярией. После их разработки в течение трёх месяцев и последующего полугодового обсуждения они были приняты в окончательном варианте и изданы уже в форме единого Статута 1529 г. Фактически данный Статут 1529 г. был разработан и принят спустя более полувека после введения в действие в 1468 г. известного в истории европейского права так называемого Судебника Казимира. В этих политико-правовых документах были унифицированы и кодифицированы непосредственно действующие положения обычного права в разных областях в целях их единообразного применения всех землях Великого княжества Литовского.

В Преамбуле Статута 1529 г. как основополагающего документа русского права в торжественной форме провозглашалась следующая духовно-правовая и государственно-политическая долговременная установка: “Мы, Сигизмунд, Божией милостью король польский и великий князь литовский, русский, прусский, жемайтий-

³ См.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж, Мас-сачусетс, 1974. С. 60, 61.

⁴ Государство по Статуту 1529 г. называлось Речь Посполитая.

⁵ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года. М., 1990. С. 55–112.

⁶ Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 21.

⁷ См.: там же. С. 244.

ский, мазовецкий и других, имея обстоятельно продуманное доброе намерение и по нашей великокняжеской милости желая одарить христианскими законами всем прелатам, княжатам, панам хоруговным, вельможам, благородным рыцарям, шляхте и всему посольству и их подданным, коренным жителям земель нашего Великого княжества Литовского, какого бы сословия или происхождения они ни были, все права и церковные привилегии как для лиц католического, так и православного вероисповедания, а также их светские привилегии, которые были ими получены от светлой памяти королей и великих князей, от отца нашего Казимира и брата нашего Александра, предков наших, при их жизни, на какое бы то ни было владение и вольности, содержащие в себе справедливые установления, желаем считать имеющими силу, как если бы они были пожалованы нами и вписаны слово в слово в эти наши листы, которые мы нашим великокняжеским словом и нашей единоличной присягой на Святом Евангелии обязуемся соблюдать и хранить, как обязуемся и обещаем подтвердить и закрепить их со всеми их установлениями, обычаями и статьями; по милости, благородству и щедрости нашей мы решили их подтвердить и закрепить, что подтверждаем и закрепляем, приказывая считать их имеющими силу на вечные времена”⁸.

В §1 и 2 арт. “L” разд. III “О вольностях дворянства и о распространении пределов Великого княжества Литовского” Статута 1529 г. устанавливается, что “Государство Великого княжества Литовского будет по святой воле Господа Бога и с помощью Божьей охранять и защищать” достоинство и честь, права и свободы всех всякого звания людей, не только духовных, но и светских, бояр и дворян, сенаторов и чиновников, а также всех других подданных княжества⁹. В §1 арт. II Статута 1529 г. обещается также государственная охрана преемственности святоотеческих традиций и обычаев, а также преемственность избираемых свободно государей, князей Литовских “при свободе и вольностях христианских... по примеру и обрядах государств христианских”¹⁰.

Согласно Статуту 1529 г. глава государства (Великий князь Литовский – Господар, т.е. данный свыше и помазанный Господом Богом правитель) избирался на княжение представителями церковной иерархии и светской знати – Рады Панов,

а потому все важные государственные вопросы монаршествующий Князь был вправе решать только с согласия и одобрения высшего представительного органа власти – Рады¹¹. При Великом князе Литовском служил министр княжеского двора – маршалок, который представлял Господара при решении многих государственных вопросов, в особенности решаемых на заседаниях сеймов Рады Панов. Заместителем маршалка земского был маршалок дворный, которому были подвластны дворане – прообраз будущего русского дворянства.

При Великом князе Литовском или при Раде Панов во главе с канцлером была образована канцелярия, где работали секретари, писари, переводчики и другие служилые люди, которые занимались государственным делопроизводством. Все официальные документы¹² Великого княжества Литовского хронологически вписывались в особые книги – метрики. Делопроизводство в Великом княжестве Литовском велось на белорусском языке, который был тогда государственным языком литовско-русского княжества.¹³

Главными наместниками Великого князя Литовского в отдельных областях были назначаемые воеводы – державцы, которые осуществляли наиболее важные административные и судебные функции, равно как и начальствовали над вооружёнными силами вверенных им административных территорий. Воеводы также являлись непосредственными представителями местных органов власти и самоуправления в центральных органах законодательной и исполнительной власти государства. Наместники великого князя – державцы получали определённую часть доходов с великокняжеских имений, часть оплачиваемых в казну государства судебных пошлин и взысканных штрафов, особые сборы и пожертвования с управляемого ими населения, а также таможенные пошлины (мыто)¹⁴ с иностранных купцов – гостей. Великий князь Литовский назначал на

¹¹ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 225.

¹² Постановления сеймов, всякого рода договоры, инструкции послам, акты гражданского состояния, судебные приговоры и решения, договоры купли-продажи недвижимости, арендные листы, завещания и т.д.

¹³ См.: *Осиян Б.А.* Русский язык как ключ к познанию духа русского права // Современное право. 2007. № 9. С. 23–29; Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 235.

¹⁴ По Статуту 1529 г. мыто означало пошлину, которая взималась с ввозимых или вывозимых за границу княжества товаров и частично перечислялась в государственную казну.

⁸ История государства и права России. В документах и материалах. Минск, 2005. С. 48.

⁹ Статут Великого княжества Литовского 1529 года. В 2-х ч. Ч. 1. СПб., 1811. С. 111–112.

¹⁰ Там же. С. 113, 114.

почётную должность державца своих наиболее заслуженных бояр и панов.

Как уже отмечалось, главным государственно-представительным органом Великого княжества Литовского был великокняжеский Совет под названием Рада Панов¹⁵, который выражал намерения и волю панов, совета управления, в состав которого входила церковно-католическая знать, придворные должностные лица и чиновничество разного ранга. Члены Рады имели постоянные места, которые они занимали во время заседаний (сеймов) в зависимости от должности и звания. “Сейм вольный” представлял собой возглавляемый Великим князем Литовским высший орган государственно-законодательной власти, в пленарном заседании которого могли участвовать сословия бояр, землевладельцев, военнотружущих и прочих шляхтичей, которые обладали правом личной и имущественной неприкосновенности, определёнными сословными привилегиями, а также гарантированной великокняжеской и судебной защитой. Например, согласно артикулу X Статута 1529 г. брать человека дворянского происхождения под стражу без суда строго запрещалось¹⁶. Сами шляхтичи имели возможность существенно повлиять на принимаемые решения Сейма по вопросам определения порядка призыва и срока прохождения военной службы, определения размеров поместных налогов и сборов, которые предназначались для военных нужд. Уже в 1512 г. законодательно были установлены нормы представительства на заседаниях Сейма: по два шляхтича от каждого повета, т.е. местности, которая состояла из нескольких волостей и находилась в управлении и под контролем великокняжеского наместника – державца¹⁷.

При обсуждении и решении наиболее важных государственных вопросов созывались пленарные заседания Рады Панов, которые назывались Сеймом. В исключительных случаях созывался более узкий круг духовных иерархов и светских чиновников, которые составляли Высшую, или Тайную, Раду. Ее члены по своему происхождению были главным образом литовцы, которые исповедовали католическую веру. По этой причине местные русско-православные землевладельцы выражали постоянное недовольство относительно существенного ограничения их законных

прав, интересов и свобод панской властью. Рада (как высший законодательный Совет) существенно умеряла личную власть великих литовских князей, поскольку её члены владели огромными земельными, материально-финансовыми и организационными возможностями, а также нередко руководили вооружёнными формированиями на своих территориях. Законодательное положение о том, что без Рады Панов не может быть решён ни один государственно важный вопрос в княжестве, было закреплено ещё в 1492 г. Великим князем Александром¹⁸. При таком законодательном Совете Великое княжество Литовское представляло собой своеобразие парламентарной монархии, некий прообраз конституционной монархии, в которой роль Основного Закона – Конституции государства играл сам Статут Великого княжества Литовского 1529 г.

В п. 3 разд. III “О вольностях шляхты и о расширении Великого княжества Литовского” налагался запрет на право собственности на землю, замки, города, получение каких-либо званий и чинов иностранцами. Эти права были привилегией только местных уроженцев земель Великого княжества. В ст. 8 этого же раздела Статута предусматривалось разрешение Великого князя всем свободным людям выезжать из Великого княжества во всякие земли для обучения рыцарскому делу. Статьи 6.5 и 7.6 Статута запрещали обращение свободного человека в рабство за совершение им того или иного преступления, а также налагали строгий запрет на людей нехристианского вероисповедания – евреев, татар и пр. держать в неволе людей христианского вероисповедания¹⁹.

Статья 11.10 Статута категорически запрещала заключение договора на продажу в рабство собственного сына или любого другого свободного человека, поскольку рассматривала каждого достойного человека только как раба Божия, но никак не раба другого высокопоставленного человека. Согласно ст. 13.12 Статута закон допускал состояние невольничества в четырёх случаях: когда человек родился от несвободных родителей; когда стал невольником, будучи захваченным в плен из неприятельской земли; когда человек был предан смертной казни за совершённое им тяжкое преступление (кроме воровства) и добровольно согласился стать невольником потерпевшего; наконец, когда тот или иной человек, будучи свободным, произвольно женился на невольнице, заведомо зная, что она как личность подневольна.

¹⁵ По Статуту 1529 г. слово “Рада” означало намерение, волю, совет, управление.

¹⁶ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года. В 2-х ч. Ч. 1. С. 138, 139.

¹⁷ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 243, 246.

¹⁸ См.: там же. С. 241.

¹⁹ См.: История государства и права России. В документах и материалах. С. 92.

Дети таких мужчин и женщин автоматически становились невольниками по наследству²⁰.

Статья 9 Статута устанавливает равенство людей перед законом и судом: “Все наши подданные, как бедные, так и богатые, какого бы сословия и положения они ни были, равно и одинаково должны быть судимы по этим писаным законам”. В ст. 14 Статута государство выражает своё желание и обязанность “вместе с нашей радой отправлять правосудие без промедления, без судебных сборов и предпочтения какой-либо стороне, домогающейся защиты своих прав”²¹. Статьи 21 и 22 Статута освобождали людей от введения новых таможенных пошлин и дополнительных уплат (налогов), которые превышают налоги и сборы, установленные по существовавшему в течение долгих лет обычаю. В разд. II Статута устанавливался институт обязательной военной службы для обороны земской. Духовные люди из своего родового или взятого в залог имения обязаны были снаряжать людей на земскую службу, а вопрос о необходимости и возможности прохождения воинской службы духовными лицами решался только по великокняжескому усмотрению.

Потомки местных удельных западнорусских и литовских князей назывались княжатами. Они владели крупными областными территориями в Великом княжестве Литовском и “с полным правом и панством” могли передавать по наследству свои владения не только своим потомкам, но и своим верным слугам за несение воинской или иной службы. По Статуту 1529 г. земельные владения, полученные в наследство сыновьями по отцовской линии (прадеда, деда, отца), назывались отчизной²². Княжеские землевладения были в основном расположены на территории Белоруссии и Украины, а на территории Литвы их было гораздо меньше. Основное население княжеских вотчин составляли подневольные крестьяне, которые по той или иной причине потеряли личную свободу и потому обязаны были ежедневно отрабатывать в пользу своего хозяина многочисленные повинности.

“Мужик тяглый” по Статуту 1529 г. представлял собой крестьянина, находившегося под тяглом барщинных и сторожевых повинностей. Он был обязан ходить в подводах, перевозить грузы, строить и ремонтировать дороги, мосты и замки. В число подневольных лиц подпадала также “челядь невольная”, т.е. люди, которые

были куплены или попали в плен или рабство либо вынуждены были жить и служить при дворе своего хозяина-землевладельца и получать за это месячное материальное содержание – месячину. По Статуту 1529 г. право собственности называлось вечностью, а сама собственность – властью, поскольку она фактически и юридически определяла меру публичной власти лица, обладающего на праве собственности земельным наделом, движимыми или недвижимыми объектами и вещами²³. Под словом “закуп” Статут 1529 г. имел в виду неимущих лиц, у которых были долги. Они были обязаны отрабатывать задолженности перед своими кредиторами (землевладельцами, мещанами, крестьянами) до полной уплаты долга²⁴. Требовать что-либо по суду у должника выражалось словом “искати”, и потому такое требование называлось иском, который предъявлялся или заявлялся в суд²⁵.

Торгово-ремесленное население Великого княжества Литовского составляло сословие мещан, которые на своих частновладельческих и великокняжеских земельных угодьях наряду с крестьянами обязаны были выполнять барщинные повинности. В имеющих право на самоуправление городах так называемого магдебургского права, мещане вместо выполнения разнообразных повинностей обязаны были уплачивать ежегодный налог, размер которого определялся наличным уровнем экономического благополучия населения каждого конкретного города. На территории княжеских вотчин проживали также бояре и военнослужащие. Сами князья на своих административных территориях обязаны были сооружать замки, строить и ремонтировать дороги и мосты. От каких-либо иных податей и повинностей князья были свободны²⁶.

В отличие от тех подданных Великого княжества Литовского, которые исповедовали католическую веру и потому жили под “законом латинским”, все православные верующие, проживающие в княжестве, были вправе жить по “закону греческому”, т.е. по канонам и обычаям Русской православной церкви. Католические монахи в Статуте 1529 г. назывались законниками и представлялись первыми правоведами и судьями, поскольку в те времена не было ещё самостоятельного сословия светских юристов, которые решали спорные дела в судебном или ином порядке²⁷.

²³ См.: там же. С. 226, 227.

²⁴ См.: там же. С. 234.

²⁵ См.: там же. С. 235.

²⁶ См.: там же. С. 236.

²⁷ См.: там же. С. 233.

²⁰ См.: там же. С. 94.

²¹ См.: там же. С. 52.

²² См.: там же. С. 241.

По Статуту 1529 г. осуществление правосудия называлось “вделанием справедливости”, причём при соблюдении принципа равенства всех людей, подданных и чужестранцев, перед законом и судом²⁸. По этому поводу §1 и 2 арт. 1 Статута Великого княжества Литовского 1529 г. гласят следующее: “В начале Мы Государь Отчизны присягаю Нашею учинённою всем жителям всех областях Державы Нашей Великого Княжества Литовского обещаем и свято поддерживаем, что мы всех честных Сенаторов, как духовных, так и светских, и Князей, и всех людей воинских, дворян, мещан и вообще подданных наших всякого сословия в сём Государстве Нашем Великом Княжестве Литовском и в прочих областях, издревле к сему Княжеству Нашему надлежащих, начав от высшего чина и звания людей до низшего сим одним законом в сём Статуте содержащемся, и от нас данным судя и по расправу чинить имеем. Так же и чужестранцы и заграничные, в Великое Княжество Литовское приезжающее и по какому-либо случаю здесь пребывающие, все, сим же законом и в тех же судах, ведомству коих подлежательными по делу окажутся, судимы будут”²⁹.

В соответствии с разд. IV Статута 1529 г. “О судьях и судах” каждый назначаемый на высокую и ответственную должность судьи в Великом княжестве Литовском обязан был приносить присягу по следующему образцу: “Клянусь пред всемогущим Господом в Троице Святой единым в том, что в сём повете³⁰ буду судить по чистой совести справедливо и руководствуясь законами в Статуте, предписанными для Великого Княжества Литовского..., не преклоняясь на сторону лица высшего достоинства и чина, и не в обиду лиц низшего звания, не послабляя ни богатому, ни бедному, ни приятелю, ни родственнику, ни другу, ни врагу, ни единоземцу, ни приезжему, не взирая ни на дружбу, ни на вражду, ни страха ради или посул и подарков, ни в ожидании впредь мзды и какой-либо награды, не подавая совета стороне, не боясь преследования, отщепеня и угроз, но содержа в памяти Бога, святое Его правосудие, поступая по общим законам и по своей совести; также никогда не опоздаю на сроки заседаний, кроме случая великой и действительной тяжкой болезни, а что я присягаю справедливо, в том да

поможет мне Господь Бог, а ежели несправедливо, да убьёт меня Бог”³¹.

Равно как и судьи, судебные писари приносили такую же присягу и обязаны были в полной мере и точно отражать процесс судопроизводства по-русски, слогом и буквами русскими³². Представляется, что действие подобных образцов богобоязненно и добросовестно произнесённой присяги судей и других государственных служащих могут быть актуальны также и в современном Российском государстве, поскольку духовно-правовой заряд и смысловая чёткость текста такой присяги могут существенно повысить уровень правосознания и правовой ответственности современных судей и разного ранга чиновников, напомнить им об истинных истоках права, его непреходящих ценностях, целях и принципах. Ведь если судьи не будут бояться Бога или иметь совесть, которая подсудна только Самому Господу Богу, то они, как безбожные и бессовестные твари, склонные к различным соблазнам, мздоимству и пристрастию, будут бояться тех людей, которые их назначают на судебские должности или могут уличить и поймать их на каком-то коррупционном действии. А при таком раскладе вещей говорить о независимости и беспристрастности суда, ответственности судей за вынесенные ими приговоры или принятые ими решения будет просто несерьёзно. Иными словами, безбожный и бессовестный судья будет бояться не только разного рода чиновников и правоохранителей, но даже собственной своей тени, поскольку неразумен, слаб и безответствен.

Артикул II Статута 1529 г. устанавливал порядок избрания кандидата на должность судьи, помощника судьи – подсудка, а также писаря земского суда. На эти должности не могли быть избраны ни церковные люди или лица духовного сословия, ни маршалы, ни старосты, ни военные, ни хорунжие, т.е. тогдашние военкомы³³. Такой порядок избрания судей был обусловлен тем, что никто просто физически, душевно и профессионально не способен, одновременно занимая несколько важных должностей, ответственно начинать и успешно завершать множество дел.

Наиболее крупные землевладельцы и военачальники Великого княжества Литовского были подсудны только великому князю и Раде Панов – высшему законодательному Совету, или Собранию народа. В ст. 1 Статута 1529 г. “великий князь обязуется никого не наказывать по заочному

²⁸ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года. В 2-х ч. Ч. 2. С. 8 (§1 и 2 арт. 1); Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 225.

²⁹ Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Ч. 2 (§1 и 2 арт. 1).

³⁰ Административно-территориальном округе.

³¹ Статут Великого княжества Литовского 1529 года. В 2-х ч. Ч. 1. С. 226.

³² См.: там же. С. 226, 227.

³³ См.: там же. С. 229.

оговору, даже если бы дело касалось оскорбления достоинства Его Величества; а если бы кто-либо необоснованно обвинял другого, то сам должен понести такое же наказание”. В этом положении Статута даётся следующее судебное-процессуальное разъяснение: “Лишь после того, как истец и ответчик лично предстали перед судом и посредством явного разбирательства в соответствии с установлениями христианского права окончательно была бы доказана их вина, то только после суда и такого доказательства вины, согласно обычаю христианского права, они должны быть приговорены и наказаны в соответствии с тяжестью их преступлений”³⁴.

Процесс подвергания лица уголовному наказанию по Статуту 1529 г. назывался винити: винить кого-то в совершении чего-то богопротивного и преступного уже означало наказывать его³⁵. Шляхтича мог осудить только суд старост, воевод или самого Великого князя Литовского. В случае решения в судебном порядке спора между шляхтичем и простолудином показания шляхтича имели более веское и решающее значение. В сословие шляхтичей входили все князья, крупные землевладельцы, паны и прочие служилые люди. По Статуту 1529 г. служилые люди, называвшие себя шляхтой, составляли сословие бояр³⁶. Они имели множество привилегий и поэтому по своему социально-юридическому положению существенно отличались от сословия крестьян и даже служилых мещан, которые назывались на Берестейской земле и Вольни не боярами или шляхтичами, а землянами, так как в основном занимались земляными работами: строительством и ремонтом дорог и мостов.

По Статуту 1529 г. хулителей имени Господа Бога или Господара Великого княжества Литовского лишали человеческого достоинства и чести, жизни и всего его состояния. В связи с этим §2 арт. IV Статута 1529 г. устанавливал правомерные основания для оправданного доноса на поносителя имени Господара Великого княжества Литовского: “А ежели кто, любя Бога, Государя своего и отечество, о таком деле заблаговременно и по справедливости донесёт, таковой учинится достойной Государевой Нашей милости и награды чином...”³⁷, виновный же будет лишён

чести и жизни независимо от его звания, чина и прочих привилегий. В случаях “оскорбления великокняжеского достоинства” убежавшие за пределы государства виновные лица “лишались своей чести”, а их имущество отчуждалось, конфисковывалось и передавалось в собственность государству. Нетрудно здесь заметить, что в христианском контексте права преступления против “чести и достоинства человека” находятся в высшем ряду уголовно охраняемых ценностей и благ государства, в частности перед остальными имущественными благами и правами, которые защищаются законом. При этом вовсе не случайно ст. 7 Статута устанавливала только личную правовую ответственность и наказание виновного, т.е. принцип “никто не должен отвечать за чужую вину и преступление”.

Несмотря на то что положения Статута 1529 г. должны были применяться к различным людям и сословиям единообразно, в самом Статуте содержалось особое положение – арт. XXXV “О цыганах”, который предупреждал всех правоохранителей таким образом: “Поелику цыгане суть ненужный и праздный народ, который не только не делает никакой услуги и пользы, Нам и никому в государстве, но паче причиняет немалый вред обманом простых людей и воровством, а также и тайными похищениями, а, иногда выходя в чужие земли, наипаче неприятельские, могут быть лазутчиками и проводниками для худого дела., то никто из подданных не должен принимать их в своём имении или укрывать их под угрозой взыскания штрафа двенадцать коп грошей в казну Нашу”³⁸.

Согласно § 1, 10 и 12 арт. XII Статута Великого княжества Литовского смертной казни через повешение подвергались обычно воры, укравшие имущество стоимостью в размере более пятидесяти грош, или воры-рецидивисты, разбойники, а также государевы изменники. Тем не менее, в практике применения уголовных наказаний случались виды наказаний, которые не были предусмотрены в самом Статуте 1529 г. Например, в 1537 г. в процессе расправы с зачинщиками массовых беспорядков в Жемайтийской и Биржишенской волостях один крестьянин был подвержен четвертованию³⁹. Видом дополнительного уголовного наказания было лишение осуждённого лица чести и доброго имени. Согласно параграфам 14 и 29 артикула VII Статута 1529 г. в случае

³⁴ История государства и права России. В документах и материалах. С. 48, 49.

³⁵ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 227.

³⁶ См.: там же. С. 224, 225.

³⁷ Статут Великого княжества Литовского 1529 года. В 2-х ч. Ч. 1. С. 8.

³⁸ Там же. Ч. 2. С. 374.

³⁹ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 230.

совершения преступного деяния⁴⁰ шляхтич мог быть лишён шляхетских привилегий и вообще звания шляхетства. В таких случаях он мог быть лишён даже права быть свидетелем в суде.

Согласно § 3 арт. VIII Статута 1529 г. гражданские споры и дела решались “конным судом”, состоявшим из представителей тяжущихся сторон. Такие судебные споры решались на месте возникновения спора выездными судьями “ездоканами”. В зависимости от своего уровня и предмета ведения судьи получали своё назначение от Великого князя Литовского, Рады Панов или от местного управителя или органов самоуправления⁴¹. Примечательно, что по Статуту 1529 г. слово “прокуратор” имело значение защитника-адвоката, а не государственного обвинителя подозреваемых в совершении преступления лиц⁴². Дело в том, что, имея латинское происхождение, слово “прокурор” (лат. – *procure*) означало предварительное попечение и заботу государства или иного представителя, участвующего в уголовном судопроизводстве.

Артикул LXXXVI “Об апелляции в главный суд” устанавливал порядок обжалования в вышестоящей судебной инстанции необоснованных и незаконных судебных приговоров, определений и решений: “...Буде кто из подданных наших истец или ответчик, почтёт противозаконным решение земского или городского суда, самих Воевод, Старост, или же их судебных чиновников, или приговор подкормского или комиссарского суда, то позволяется как истцу, так и ответчику принести апелляцию в главный суд о том, в чём считаешь себя обиженным. Однако же он не должен помещать в своей апелляции оскорбительных слов...”⁴³.

В целях защиты норм христианской нравственности и предотвращения духовно-нравственного блуда и распутства в §1 арт. XXIX Статута 1529 г. было установлено следующее правило: “Для прекращения распутства в обуздание развратных людей узаконяем: если кто-то, забыв страх Божий и долг христианский, осмелился подговорить и взять чью жену, даже по её согласию, и уехать с нею..., по законном изобличении осуждается на

смерть”⁴⁴. Такому же суровому наказанию согласно §1, 2 и 3 арт. XXX “О наказании прелюбодеяния” Статута 1529 г. подвергались также сами прелюбодеи: “Стараясь предупредить между прочими и сие зло, дабы оное в нашем христианском государстве не распространялось прелюбодеяние, навлекающее гнев Божий, узаконяем: если муж подозревает свою жену в прелюбодеянии, то при доказательстве оба виновных подлежат казни смертной... Девица, которая забыв страх Божий и отложив стыд в сторону, будет жить в непотребстве, также полегит уголовному наказанию, но суд не должен допустить наветов на неё по злобе, ненависти, алчности...”⁴⁵. При этом убийца мужа прелюбодейной жены должен быть лишён жизни, чести и доброго имени, а за его голову с виновного должен быть взыскан платёж из имущества его недвижимого и движимого, а такая жена равным образом должна быть “казнена смертью”.

Артикул III Статута 1529 г. декларирует “о хранении мира между всеми подданными сего Государства по поводу разного исповедования веры христианской”, утверждает “покой и порядок общенародный, мир, правосудие и безопасность” государства независимо от конфессиональных различий между католиками и православными, между духовными и светскими людьми⁴⁶.

Следует заметить, что ввиду своей смысловой чёткости и ясности для большинства русских людей многие юридические термины, которые содержатся в Статуте Великого княжества Литовского 1529 г., впоследствии были содержательно восприняты и заимствованы законодательством не только Российской империи, но и законодательствами Советской России и даже современной.

Нетрудно заметить, что весь текст Статута 1529 г. пропитан духом христианской веры и религиозной нравственности. Всё её основание духовно и морально обоснованно и оправданно. Этот Основной Закон, или Конституция Великого княжества Литовского, всецело нацелен на поддержание государственного и социального правопорядка, а также на создание надлежащих условий для спасения бессмертной души каждого верующего в Бога человека независимо от его индивидуальных особенностей и социального положения⁴⁷.

⁴⁰ Например, в случаях совершения богохульства и отцеубийства, побега с поля боя, совершения перехода за границу на сторону врага, равно как и в случае помилования осуждённого вора.

⁴¹ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 375.

⁴² См.: там же. С. 245.

⁴³ Статут Великого княжества Литовского 1529 года. В 2-х ч. Ч. 1. С. 437.

⁴⁴ Там же. Ч. 2. С. 565.

⁴⁵ Там же. С. 367.

⁴⁶ См.: там же. Ч. 1. С. 115.

⁴⁷ См. подробнее: *Осипян Б.А.* Объединяющая и направляющая сила духа русского права // История государства и права. 2010. № 20. С. 40–43.

Таким образом, основным правовым посылом Статута Великого княжества Литовского 1529 г. являлось юридическое закрепление христианского, богодостойного, свободного и ответственного образа жизни, стабильного правопорядка, создающего благоприятные условия для развития духовных способностей верующих в Бога людей, их освобождения от унаследованного ими первородного и пожизненно совершённых грехов и возможного их спасения в вечной жизни. А это и есть высшая цель идеи права, правосудия и правопорядка. Как видим, в Статуте 1529 г. в качестве основной цели были заложены два самых начальных и конечных измерения и ориентира – относительный и абсолютный, временный и вечный, национально-конфессиональный и духовный – всякого истинного права, а именно: поддержание социального порядка во временной жизни каждого человека и народа, с одной стороны, с другой – правовое просвещение разума и спасение души каждого верующего в Бога человека в вечной жизни⁴⁸.

Следует отметить, что, несмотря на столь великодушную конституцию в форме Статута 1529 г., самостоятельная судьба Великого княжества Литовского была не столь долгой. Дело в том, что

⁴⁸ См.: *Осипян Б.А.* Дух правометрии, или основание межеологии права. М., 2009.

после заключения так называемой Люблинской унии в 1569 г. Великое княжество Литовское и корона Польская объединились и образовали католическое государство – Речь Посполитую. Во главе вновь образованного единого государства стоял избираемый Государь. Высшими законодательными и судебными органами этого государства были Сейм и Сенат. Все эти высшие органы единого государства обязаны были совместно разрабатывать и вести общую внутригосударственную и внешнюю политику на духовно и нравственно обоснованной единой государственно-правовой идеологии.

Представляется, что сам факт составления и введения в действие Статута Великого княжества Литовского 1529 г. как знаменательного государствообразующего Основного Закона является вдохновляющим конституционным образцом общероссийской правовой идеологии, на основе и традициях которой должна быть разработана и реализована вся система современного российского законодательства, правоохранения и правосудия⁴⁹.

⁴⁹ См.: *Осипян Б.А.* Послание Президенту, председателям Правительства, обеих палат Федерального Собрания и Конституционного Суда Российской Федерации // *Осипян Б.А.* Возможности укрепления правовых основ Российского государства органами конституционного правосудия. С. 163–191.